

ВИЛМОШ КОНДОР

БУДАПЕШТСКИЙ НУАР

Перевод Л. Кулаговой

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2020

ГЛАВА 1

КОГДА КОФЕЙНЮ «БАЛАТОН» наконец-то открыли после длительного ремонта, кофе стали подавать сразу с сахаром, если гости не успевали предупредить об обратном. Гордон постоянно об этом забывал, как, собственно, и сейчас. Поэтому он махнул рукой, выпил черный кофе с сахаром, сложил газету «Пештский дневник», встал из-за стола, расплатился, поднял воротник и вышел на проспект Ракоци. Затем посмотрел в направлении площади Луизы Блахи, увидел вдалеке неоновые огни редакции, достал сигарету и закурил.

Неподалеку взволнованно горланил мальчишка-газетчик. Прохожие выхватывали вечернюю прессу у него из рук, а полученные монетки оттягивали его карманы все ниже и ниже.

Гордон направился к мосту Елизаветы. По пути он быстро оглядывал витрины, едва обращал внимание на сигналившие автомобили. То и дело к нему приставали оборванцы, пытаясь втюхать шелковые чулки, а девушки липли с обещаниями доставить незабываемое удовольствие. Но Гордон шел не останавливаясь. Он выкинул окуроч, взгля-

нул на часы — если поспешит, еще успеет на площадь Франца Иосифа. Гордон, конечно, мог бы сесть на автобус, но он, сам того не подозревая, любил вечернюю суету и всеобщее оживление.

В начале кольцевого проспекта Карла во все горло орал другой мальчишка. Гордон удивлялся, как они еще не охрипнут. На секунду он задумался, не пьют ли они сырые яйца, прям как оперные певцы, но тут же отогнал от себя эту мысль. Любопытно, конечно, но не настолько, чтобы спрашивать, хотя случай подворачивался, и не раз.

— Гёмбёш умер! Умер премьер-министр! Тело доставят из Германии на поезде! Гёмбёш умер! Правительство провело кризисное заседание! — кричал розовощекий мальчишка лет четырнадцати в шапке набекрень.

— Газета «Эшт»! * Гёмбёш умер! — продолжал вопить мальчик, а увидев Гордона, бросился размахивать перед ним газетой: — Самые свежие новости от «Эшт». Умер премьер-министр! Уважаемый господин, возьмите газетку.

---

* В переводе с венгерского означает «вечер»; венгерская ежедневная газета, выпускавшаяся с 1914 по 1939 год (здесь и далее примеч. пер.).

Гордон только покачал головой.

— Спасибо, дружок, не надо. Знаю, что премьер-министр умер, — произнес он и прошел мимо. «Я сам пишу эти новости, — добавил мужчина про себя, — если уж новости позволяют себя писать».

За площадью Аппони Гордон резко свернул направо, на улицу Варошхаз, сравнительная тишина и спокойствие которой показались ему очень кстати. Никаких подвижек в деле Роны... А дело ни на минуту не выходило из головы. Невозможно было поверить, что обвинения против этого человека справедливы. Сутки напролет Гордон работал над делом, говорил или, по крайней мере, пытался говорить о нем со всеми, кто мог хоть как-то быть связан с Роной, но каждый раз оказывался в тупике.

Он пересек безлюдную, мокрую от дождя площадь Елизаветы, а когда свернул на проспект Иштвана Тисы, ледяной ветер с Дуная чуть не сорвал с него шляпу. Непривычный октябрьский холодок заставил Гордона поежиться. Утром казалось, что будет теплее, поэтому ни шарфа, ни перчаток он с собой не взял, а за неимением теплого пальто, как мог, закутался в реглан.

Перед зданием Главного управления полиции стоял постовой. Он кивнул, увидев Гордона, который уже привык заходить в здание по адресу улица Зрини, дом 4 через новый, предназначенный для детективов вход. Жигмонда Гордона знали все дежурные офицеры без исключения, так что вход в управление для него был свободный. В этот вечер на смене был молодой человек, который по непонятной причине всегда приветствовал его чрезмерно почтительно.

— Добрый вечер, господин репортер! — поздоровался парень, Гордон лишь кивнул в ответ, и уже направился к лестнице, но дежурный его снова окликнул:

— Если вы ищете инспектора уголовно-сыскной группы господина Геллерта, должен вам сообщить, что в настоящий момент его нет на месте. Он срочно отбыл на совещание.

— Ничего страшного, приятель, подожду в кабинете. — Гордон положил руку на перила, но молодой человек не собирался его отпускать.

— Ведь премьер-министр Гёмбёш умер... — Дежурный хотел было продолжить, но вовремя опомнился: — Но, конечно, вы уже имеете честь это знать.

— Знаю, приятель, — ответил Гордон и поторопился на третий этаж.

Оказавшись в коридоре, он повернул направо, остановился у последней двери слева. Постучался. А вдруг!.. Ответа не последовало. Тогда Жигмонд приоткрыл дверь кабинета Владимира Геллерта. Кабинет ведущего инспектора уголовно-сыскной группы оказался пуст, и лишь одинокая настольная лампа освещала комнату. Гордон прикрыл за собой дверь и подошел к окну. Геллерт пользовался особыми привилегиями: окна его кабинета выходили на Дунай, чего был удостоен далеко не каждый. Гордон закурил, выглянул в окно и увидел подсвеченный Цепной мост, Будайскую крепость, плывущие по Дунаю кораблики, пришвартованные катера, плетущиеся со скоростью черепахи буксирные суда.

Гордон потушил сигарету и уселся в одно из двух кресел напротив письменного стола. Достал записную книжку, чтобы пробежаться по вопросам, которые хотел уточнить у Геллерта. Еще в понедельник, когда они разговаривали по телефону, он попросил помощи в получении доступа к некоторой информации, связанной с Роной. По сути,

Гордон уже ничем не мог помочь, так как слушание по делу Эрнё Роны началось еще в первой половине дня, но, несмотря на это, он считал своим долгом раскрыть дело услужливого детектива.

В городе развелось множество валютных спекулянтов, пытавшихся получить прибыль от изменения валютного курса, частенько им даже удавалось сорвать большой куш. Шайка выбрала самый простой способ: люди Иштвана Сёрчеи выдавали себя за детективов, а затем попросту изымали деньги у спекулянтов. Однажды биржевой маклер Арнольд Бонди заглянул в офис Роны и пожаловался, что его обчистили на пять тысяч пенгё *. Рона собаку съел на делах о мошенниках и карточных жуликах, так что сразу достал фотографию мужчины по имени Дюла Грос, которого они с коллегами уже некоторое время выслеживали как раз в связи с делами псевдетективов. Только вот Бонди преступника не опознал. Тогда Рона предложил написать заявление, Бонди так и поступил, а потом пострадавший принялся

---

* Пенгё — венгерская валюта в период с 1927 по 1946 год, разменная монета — филлер.

без устали надоедать следователю, пытаюсь выяснить, как обстоят дела. И когда Рона сообщил, что дело еще на рассмотрении, Бонди вышел из офиса вне себя от ярости, а через пару дней составил у адвоката донос на Рону, согласно которому детектив принял от него сто пятьдесят пенгё для того, чтобы в обмен на эти деньги получить от псеводетективов те самые пять тысяч. По этому делу объявили следствие, и как раз этим утром провели первое заседание.

Рона разве дурак — ради ста пятидесяти пенгё ставить на карту свою карьеру и пенсию? Дело нечисто, все отрицали виновность Роны. Только Бонди и его сообщники продолжали настаивать, что подкупили детектива. Владимир Геллерт был одним из руководителей пятой уголовно-сыскной группы. Рона же работал в четвертой группе по делам о воровстве, мошенничестве и тому подобным преступлениям. Они знали друг друга очень хорошо, но друзьями их назвать было сложно, тем не менее каждый из них всегда был готов оказать коллеге помощь. Так что Геллерт обязательно поможет Роне. Пусть даже просто подскажет, с чего начать поиски. А если нет, это тоже будет кое о чем говорить, возможно даже о чем-то большем.

Гордон поднялся с кресла. Настенные часы пробили девять. На столе, как всегда, царил безупречный порядок. Слева в стопке аккуратно сложены акты неоконченных дел, посередине стола — исписанный календарь с плотным графиком детектива, а справа — отодвинутая в сторону пишущая машинка. Перед календарем — бронзовая чернильница в стиле модерн, перед ней — перо, наконечники — в отдельной коробочке. Геллерт не раз говорил, что к пишущей машинке он еще кое-как привык, но вот с перьевой ручкой сдружиться ему так и не удалось.

Гордон же не имел ничего против перьевой ручки, хотя считал перо устаревшим, отжившим свой век изобретением. Он положил записную книжку на угол стола и собрался набросать парочку вопросов, как вдруг резко выпрямился. С таким же успехом он может сесть за стол, тем более что он так уже не раз делал, когда приходилось ждать Геллерта. Гордон обошел стол и уселся в кресло, попытался придвинуть его ближе к столу, но что-то мешало. Кресло за что-то зацепилось. Гордон посмотрел вниз и заметил, что кресло зацепилось за незадвинутый ящик стола. Мужчина покачал

головой. Вот так дельце! За последние пять лет он довольно хорошо узнал Геллерта, и тот еще ни разу не оставлял ящики открытыми. Напротив, он всегда тщательно закрывал их, а ключ прятал в карман жилета. Гордон продолжал сидеть, задумчиво глядя на выдвинутый ящик. Затем соскользнул на стуле чуть ниже. На дне ящика он увидел досье, без какой-либо пометки, самое обычное полицейское досье, строка для заголовка на титульном листе была оставлена пустой. Изпод него торчал уголок фотографии.

Гордон какое-то время неподвижно просидел в тишине, рассматривая ящик, досье и уголок фотографии. Потом закурил. Выбросил спичку в пепельницу, затянулся и выпустил дым, не отводя глаз от ящика. Положил сигарету на край мраморного блюдца, потянулся к ящику, вытащил его ровно настолько, чтобы можно было приоткрыть обложку. Затем он снова взял сигарету. Затянулся, достал досье из ящика, положил перед собой на стол и открыл. Он не ошибся. Внутри не было ничего, кроме двух фотографий. На верхней была изображена молодая девушка. Она стояла у открытого скатертью стола на фоне тяжелых занавесок.

весок. Выражение ее лица было грустное и дерзкое одновременно. «Нравлюсь тебе? — говорил взгляд девушки. — Знаю, что нравлюсь, я всем нравлюсь».

Гордон склонился над фотографией. На девушке, кроме улыбки, ничего не было. Вот она стоит перед ним, такая легкомысленная, с похотливым и грустным взглядом в светлых глазах, длинноногая, с чересчур полной и округлой грудью, узкими бедрами, темными, слегка вьющимися волосами, спадающими на плечи. Гордон пристально изучал взгляд девушки. Он вдруг понял, что в ее глазах читается не дерзость, а упрямство. Тело у нее безупречное, молодое и гибкое. Но нет, все же не совсем безупречное. Гордон поднял фотографию на уровень глаз, поднес к свету и внимательно осмотрел левую руку девушки. Немного ниже локтевого сгиба темнело родимое пятно. Размером с монетку в два пенгё, не больше.

Гордон отложил первую фотографию и взял вторую, тоже сделанную в студии, но совершенно в другой обстановке. На портрете в камеру смотрела та же девушка. С заколотыми волосами, серьезным выражением лица, на котором не

было и следа того упрямства, разве что читалась какая-то грусть. Правильные черты, подчеркнутые брови, светлые глаза. Вторую фотографию можно было даже не рассматривать. И так ясно, что это одна и та же девушка.

Гордон взял обе фотографии, положил их обратно в досье, досье — в ящик. Встал, поправил стул и подошел к окну. Взглянул на город, затем на часы.

Он уже собирался уйти, как вдруг дверь распахнулась. Геллерт решительно вошел в кабинет. Его угрюмое лицо сейчас казалось еще более мрачным. Пиджак был помят, очки едва скрывали синяки под глазами. Каждое движение его исхудалого тела говорило об усталости. Гордон повернулся, чтобы поздороваться, но детектив поднял руку.

— Можете ничего не говорить, — как бы извиняясь, сказал Геллерт. — Знаю, что мы договорились на сегодня, но начальник доктор Ференци вызвал всех к себе.

— Завтра утром поезд с телом премьер-министра прибудет на Восточный вокзал, — кивнул Гордон.

— Честно говоря, мы рассчитывали на то, что он уйдет, особенно с тех пор, как Дарани стал заведовать делами. Правда, я скорее предполагал, что он подаст в отставку, но по сути никакой разницы.

— Разницы никакой, — отозвался Гордон.

— Допустим, план похорон премьер-министра у нас уже был, но все равно еще много чего надо подготовить, — как будто оправдывался Геллерт. — Начальник отдал приказ, чтобы каждый детектив, полицейский и жандарм вышли на службу и обеспечивали поддержание порядка во время траурного шествия на участке от Восточного вокзала до Парламента.

— Министр внутренних дел снимает запрет на массовые собрания? — спросил Гордон.

— С чего бы это?

— А разве траурная процессия и похороны — это не массовое собрание?

— Признайтесь, что шутите. — Геллерт пристально посмотрел на Гордона поверх очков.

— Шучу, — ответил тот. — Не смею вас больше задерживать. Слышали, что Турчани-Шрейбер дал показания в пользу Роны?

— А как же! Даниель — толковый и здравомыслящий парень. Когда не злится...

— Само собой. — Гордон отошел от окна. — Я так понимаю, до похорон нет смысла пытаться с вами связаться.

— Верно. — Геллерт уселся в кресло и задвинул ящик на место.

— Я потом вам позвоню. Доброй ночи!

— В соответствии с постановлением министра внутренних дел и тайного советника витязя Миклоша Козмы сегодня ночью ни один полицейский не сомкнет глаз, — отозвался Геллерт, поставив печатную машинку на календарь. Он вставил бумагу в машинку и, прищурив глаза, принялся что-то печатать. Гордон не понял, была ли это насмешка или ему показалось.

На проспекте Ракоци людей стало значительно меньше. Некоторые бары и ночные заведения уже закрылись, медленно опустели кофейни. Тем не менее Гордон заметил, что полицейских и жандармов на улице стало в разы больше, чем обычно, они ровно выстроились вдоль дорог в преддверии долгой ночи. Проходя мимо кофейни

«Балатон», он бросил взгляд на вывеску на двери: «10 октября, в день траура по случаю смерти премьер-министра, кофейня закрыта». Так как Гордон все равно не успел бы выпить кофе, это объявление его мало интересовало, но он обратил внимание на то, что такие же таблички висели на каждом магазине, учреждении и кофейне.

Пустой трамвай пересек площадь Луизы Блахи. К тому времени, как Гордон добрался до редакции газеты «Эшт», в городе все стихло. Вахтер ночной смены весело помахал позднему визитеру. И если причиной его хорошего настроения была не бутылка вина, заныканная в шкафу, то, вероятно, он просто радовался смерти Гёмбёша.

— Вечер добрый, господин репортер! — Вахтер приподнял шапку, а затем, высунувшись из окошка, проводил Гордона взглядом, пока тот не исчез на верхней площадке лестницы.

В редакции, кроме дежурной машинистки, никого не было. С тех пор как Гордон устроился в «Эшт», ночью всегда дежурила Валерия. Как, собственно, и сегодня. Она сидела за столом перед машинкой, из которой торчал лист бумаги, свет лампы отражался от белесых волос, глаз ее